

Доклад 9. Беседа Сергея Жигалкина с Алексеем Рядинским. О русской идее

Сергей Александрович Жигалкин
Философ, переводчик, издатель,
автор книг и статей.

Сергей Жигалкин: Насколько я понял, мы будем говорить о русской идее. Честно говоря, когда я услышал такую тему, мне это не очень понравилось, совсем даже не понравилось. Не понравилось по двум причинам. Сейчас я вам объясню, по каким. Значит, первая причина: вы все знаете ситуацию, в которой мы сейчас находимся – идет специальная военная операция. То есть ситуация трудная, тяжелая, особенно на фронте.

И понятно, что если Россия потерпит поражение, то или ее не будет совсем, она разделится на мелкие какие-то государства, или она будет полностью подневольная, какая-то пустынная уже не своя страна, ничего здесь не будет. То есть победа необходима, это всем понятно. Теперь что касается мотивировки украинских войск и российских войск. У украинских войск мотивировка сильнее. Их пропаганда лучше потому, что они считают, что они защищают свой дом. Хотя, конечно, политические и геополитические всякие силы, которые привели к этому конфликту, они гораздо сложнее. И просто одной защитой дома не отделаешься. Но для простых людей этого достаточно. У российских солдат такой мотивировки нет, а есть другие мотивы, связанные с геополитикой: «Почему, что и как? и что это вот катастрофа для всей России». Это ведь трудно объяснить простым солдатам. Можно, но трудно. И это не было сделано. Поэтому, может быть поэтому, организаторы вот этой конференции решили поговорить на тему русской идеи. Может быть, нет. Но, так или иначе, такая тема на фоне спецоперации как бы все равно подтекстом имеет, что мы должны объяснить, что такое русская идея, за что воюют, и как-то мотивировать лучше. То есть мы, философы, должны дать какую-то лучшую мотивировку. Вот такой подтекст имеет место в любом случае, понимали это организаторы или нет.

Но дело в том, что, понимаете, я, например, больше философ, чем политик и геополитик. Геополитики, политики гораздо лучше меня могут рассказать ситуацию, выдвинуть аргументы, что они и делают. А когда философ о чем-то рассуждает, его рассуждения не политизированы должны быть, т. е. он в принципе должен размышлять не о земных вещах в конкретный политический, геополитический, экономический момент, а о том, что касается человека как такового во все времена. То есть он должен иметь дело с проблемами, выходящими за пределы земного. Ему в принципе все равно: эта эпоха, предыдущая эпоха, ушедшая эпоха, грядущая эпоха – вопросы перед человеком как таковым стоят вне времени, и они все время примерно одинаковые. То есть это то, о чем размышляет философ. То есть он мотивирован не тем, чтобы как-то правильно политику подвинуть или геополитику, а он имеет дело (ну должен иметь дело) с запредельным вечным и неизменным. Конечно, есть философы, которые свое мировоззрение, свою политику спускают вниз и считают, что надо иметь дело с материей, политической ситуацией. Это тоже правильно. Это тоже имеет свои мотивы.

Но мне это сложнее, если я должен дать корректную, правильную идею и как-то мотивировать людей, мне тяжело, потому что это лишает меня свободы рассуждений об этой же самой идее. А свобода рассуждения может быть конфликтна, т. е. она может привести не к такому яркому пониманию этой идеи, а, наоборот, увести в какую-то проблематику, в какие-то апории и т. д. и только помешать. Но тем не менее я думаю, что сейчас я постараюсь рассуждать именно так, т. е. просто о том, что такое вообще русская идея, не имея в виду эту ситуацию, ни прошлую, ни какую-то еще, а просто что я понимаю и мы понимаем под русской идеей. Не возражаете против такой постановки? Замечательно.

Это была первая причина, по которой мне не очень хотелось говорить на эту тему. То есть политическая мотивировка, что просто лишает философской свободы. А вторая причина в том, что когда я просто представляю словосочетание «русская идея», то в голове у меня возникает абсолютный хаос и нет никакой ясности. И сейчас я объясню почему.

Значит, насколько я понимаю, само такое словосочетание (или такой термин) появилось еще в середине XIX века, но многие приписывают его Соловьёву Владимиру. Я могу ошибаться, но, насколько я помню, Соловьёв когда-то был ажитирован такой идеей, что христианство есть христианство, и не надо терпеть внутри христианства раскола, и надо объединить и православие, и католическую церковь. Ну да, вот такая идея у него была, и он поехал в Европу, на какое-то мероприятие или

конференцию, не помню, на французском написал такую статью, которую назвал «Русская идея», и в этой «Русской идее» он выразил свое отношение, но во время этой поездки его отношение к католицизму изменилось, потому что они стали иметь в виду не такие религиозные высокие цели, а какие-то экономические, политические, и всё это приняло неприятный оборот, он во всём разочаровался, и это не получилось.

Но тем не менее словосочетание вроде бы исходит оттуда, из этой статьи. И там он рассуждает об этой русской идее. До этого подобные рассуждения встречались у многих в России, у славянофилов, у Леонтьева, у Бердяева, у разных философов.

Что они имели в виду? Вот что такое русская идея, о чем здесь вообще говорится? Во-первых, можно рассуждать об особенностях русского народа, чем он отличается от других народов, что ему ближе, что от него дальше. То есть просто описать особенности, но назвать это просто русская идея – как-то маловато, потому что народов много. Каждый народ живет на своем месте, есть даже специальные работы, скажем, философа Кайзерлинга, путешественника.

Он рассуждает, почему такой-то народ склонен к такой-то религии, к такому мировоззрению, пустыня, где верблюды, пески, он говорит, очень сочетается с исламом, Гималаи, вершины, Тибет хорошо ассоциируются с буддизмом, русские просторы, такие бесконечные дали, они ассоциируются с тоской по бесконечному, тому, что лежит за горизонтом, что используем мы, т. е. ландшафт, проживание и вообще народ, конечно, каждый народ имеет свои особенности. Понятно, что ни одни особенности не лучше и не хуже, и Соловьев, рассуждая в этом смысле, вот в той самой статье у него, по-моему, есть такие замечания, он как бы говорит, давайте посмотрим: все народы имеют свои особенности, они имеют свои задачи. То есть если взять все народы вместе и рассмотреть их как единый организм, то каждый народ – это определенная клетка, определенный орган, он имеет свою задачу, он связан с другими народами, и выполнение им своей задачи важно для поддержания такого организма. Он приводит такую идею, потом, правда, от нее отказывается, потому что... по другим причинам, но тем не менее мы рассматриваем это. Вот есть особенности этого народа, назвать это идеей – не очень-то, поэтому все философы, кто рассуждал на эту тему в XIX веке, они все-таки связывали с Россией, с русским народом идею религиозную, именно православие, т. е. православие как путь к иным измерениям, как путь к запредельному, как путь в царство небесное.

И задачу русской идеи видели как раз в том, чтобы как-то воплотить это в жизнь в виде народа, в виде страны, в виде движения, в виде все-

го, так я понимаю это. И в связи с этим там попутно приходит еще идея мессианства.

Но хорошо, если, допустим, православие будет расцветать на полную мощь, как оно было при староверах, такое в истинном свете своем, и это будет истинная такая религия, то, казалось бы, она должна быть распространена на весь свет, на всю планету. Такие идеи тоже были, т. е. мессианские, нести свет, нести идею царства небесного, небесного Иерусалима во весь мир. Она немного странноватая эта идея, потому что вот я сейчас думаю: «Ну хорошо, допустим, православие было бы в полном расцвете, но вот мы пойдем и будем предлагать его, например, тибетцам. Ну что они скажут? Вряд ли это их заинтересует».

Просто традиции есть разные, есть разные народы, и следовать изначально заложенной в авраамической традиции веронетерпимости (это единственные три религии веронетерпимые) неправильно, мне кажется поэтому, что такое мессианство, что это надо внушить всем, всё остальное надо убить, уничтожить как ересь и как царство дьявола, – такое мессианство неправильное, не очень хорошее и не будет действовать. Но проблема не только в этом.

Проблема вот в чем. Что мы должны, говоря о русской идее, говорить об особенностях, характерности, такой глубинной тоске русского народа, ее попытаться найти, ее попытаться как-то объяснить, иметь в виду, что мы обладаем такими качествами, наш народ обладает такими качествами. Кроме того, русская идея и православие XIX века были неразрывны, ни один философ не говорил о русской идее без религии. Впрочем, были такие попытки, но они уходили в небытие.

Но что произошло? Дело в том, что потом наступила революция. Революция отменила православие. То есть новая идеология, которая пришла (коммунистическая), была не православной. Она была антиправославной. Это было царство грубого материализма. Эта идея как раз рождена не в России, а на Западе. Она пришла из Англии, где жил Карл Маркс, бухгалтер, и прочие там философы. В общем, постепенно эта идея пришла сюда, и она была антиправославная, и коммунисты боролись с православием всеми силами, какими только могли. Они уничтожали храмы, убивали священников, ссылали в лагеря. Они вместе со священниками посылали уголовников, чтобы дискредитировать церковь, они на местах, где стояли храмы, делали туалеты, рядом с Красной площадью например, они боролись всеми силами.

И как же тогда существовала русская идея? Идем дальше. При советской власти русская идея вообще может быть или нет? Что от нее осталось? Во-первых, сам народ со своими качествами остался. Хотя

коммунисты и старались уничтожить всё лучшее и оставить только худшее, но тем не менее народ остался. И его особенности тоже остались. И такая вот мессианская линия, она тоже немного осталась, потому что даже у первых коммунистов ведь была идея захвата всей планеты, чтобы осчастливить идеей, которая пришла в голову Карлу Марксу, всех людей от первого до последнего. Это называлось «пролетарской революцией».

Об этом писали в газетах, что мировая революция не сегодня завтра состоится, она победит и т. д. То есть мессианство такое было. Но это мессианство было не православное, не чистой идеи, а наоборот. То есть они стали миссионерами чистого зла с точки зрения православия.

Потом идеология коммунизма рухнула в эпоху перестройки, ее не осталось просто. И вместо нее как бы не пришло ничего.

То есть и правители, которые пришли в это время (Путин и прочие), как-то стараются возродить православие сейчас. Ну да, строят храмы, возводят храмы. Хотят вернуть ему силу, но все равно то состояние, в котором православие находится сегодня, мне кажется, это такой ручеек от того православия, которое было, маленький-маленький ручеек.

И связано это не только с деятельностью коммунистов, это связано с более серьезными глобальными вещами, а именно с парадигмой белого человека, в которой находится просто всё. То есть я имею в виду парадигму материализма, позитивизма и прочего. То есть эта парадигма уничтожила небесное измерение, уничтожила небо с ангелами и архангелами, престолами. Вместо всего населила какими-то шарами и какими-то неясными черными дырами, энергиями. То есть, в общем, картинами адскими, если на взгляд художников. Вместо Божественного. Вот и мы все, так или иначе, с детства причастны этой парадигме, нравится нам это или не нравится.

Даже человек может попытаться осмыслить то, во что он верит, то, что ему кажется правильным, реальным, рассмотреть научные всякие точки зрения, мировоззрения, прийти к тому, что это всё ложь, обман, что мир не такой, но все равно ему трудно избавиться от своего конкретного восприятия и видения этого мира. Давайте посмотрим на прихожан, которые ходят в церковь, которые при церкви, уверен, что там есть настоящие подлинные христиане. Но это монахи при монастырях, аскеты, наверное, какие-то близкие к ним люди, их довольно мало. Я думаю, что они есть, даже я видел таких. Это люди, которые освободились совсем от позитивистской парадигмы. Это единицы. Ну не единицы, но просто ничтожное количество. Другая часть считает себя верующими, но все равно они не свободны от парадигмы, внушенной им с детства.

Они хотят верить, они – неверующие, а хотят верить. Одно дело человек, для которого царство небесное – это абсолютная реальность, такая же как для нас, например, самолеты, пароходы и космические корабли, а другое дело, когда человек ну не приемлет этот мир, он понимает его земное такое качество, хочет небес, но он только хочет, он не там, нет у него твердой веры. Таких больше.

И это все равно христиане такие, они все получают причастность к церкви, и много людей просто ходят в церковь, не понимают, что там к чему, они всё равно живут в парадигме полностью атеистической. Но потому что она их не устраивает по известной причине, потому что она никак не решает проблему жизни и смерти, болезни, им надо к кому-то прийти. Они к чему-то обращаются, они пытаются к этому обращаться, твердой веры не имея, но все равно, поскольку это храм, регион сакрального. Они получают причастность к сакральному, но сказать, что вот такое православие как оно сейчас есть, захватывает все мировоззрение России, нельзя. Я думаю, потому, что большинство это просто люди обыкновенные, для которых внушенная научно-техническая позитивистская точка зрения есть их мнение. Это никакое не православие.

Говоря о русской идее, говорить, что мы будем показывать православие в полном расцвете, тяжело. Давайте, если кто считает, что это правильно, надо сначала православие превратить в такое, какое оно должно быть. По примеру средневекового. Если это получится, то ради Бога. Но пока этого нет, т. е. на сегодняшний день русскую идею связывать с православием можно, но оно не очень соответствует той ментальности, которая сейчас есть в России.

Вот теперь давайте вы мне вопросы какие-то зададите. Я сказал о том, что сама идея, русская идея, она сложна. Соловьев, Хомяков, все русские люди, Достоевский – они в одном ключе, в связи с православием рассматривали ее.

Все говорят, «русская идея», но что она такое, каждый от себя говорит разное. Понять я не могу. Такого, чтобы мне кто-то принес на одном листе написанное, что русская идея состоит в том-то: первое, второе, третье, четвертое – такого нет. Каждый несет от себя. И поэтому какой-то хаос есть в голове. Значит, это не очень хорошо, поэтому не понимаю, о чём говорим, то ли это надо формировать, то ли рассматривать...

Алексей Рядинский: Сергей Александрович, у меня такой вопрос. Мыслители XIX века, которые связывали русскую идею с православием, они все же не были аполитичны... Соловьев писал о Китае, Достоевский писал о Европе, у них и помимо православия была идея мессиан-

ства, которая сама по себе является в какой-то степени политической. И поэтому вопрос такой: может ли русская идея быть абсолютно аполитической?

Сергей Жигалкин: Да, может быть, она абсолютно не то чтобы аполитическая... Вот если я вспомню опять же Соловьева... читал давно, но помню такое, что он рассматривал так эту идею – он говорил, что русская идея состоит из трех моментов. Первый момент имеет отношение непосредственно к царству небесному и к метафизике христианства. Это самое важное. То есть он должен войти в плоть и кровь.

Еще есть два таких понятия, как общество и государство. Еще эта российская идея должна проявиться на государственном уровне в виде организации государства чисто христианского. То есть это скорее всего такая христианская империя с помазанником божьим, монархия как она должна быть. И еще она должна проявиться в обществе, в третьем то есть, в устроениях людей, в их мнениях, во всём. На трех таких срезах она должна проявиться. Ну что касается мессианства, я, честно говоря, не помню такого. Ну просто там говорилось, что как таковое православие – это истинная абсолютно религия, а раз она истинная, то должна захватить всех. Но что надо ее будет распространить также и на Восток, например, или на, скажем, австралийских аборигенов... Ну я не помню, чтобы такое было, что-то я не припомню. То есть хотя и говорили о мессианстве, но как-то невнятно. Нет у меня четкой картинки. Я думаю, что нет.

Алексей Рядинский: А верите ли вы в то, что русскую идею можно конкретно и четко сформулировать?

Сергей Жигалкин: Возможно, но, понимаете, опять же я буду опираться на нее. Тот же Соловьев не хочет ее объяснить, а сказать что это такое вообще, о чем он хочет сказать. Соловьев предложил представить каждый народ в виде такой части органического целого.

Но это еще не совсем то, потому что он говорит «это не то», потому что речь идет о божественном что в отношении каждого народа есть божественный замысел. То есть он нужен не просто так, чтобы как часть тела выживать, а чтобы он имел причастность к божественным регионам, чтобы была причастность к запредельному, и вот этот замысел в отношении русского народа, божественный замысел, он не открыт людям, но он есть. То есть вот этот народ, эта территория, они зачем-то Господом устроены, и мы не знаем этого, но мы можем только это как-то

постигать, как-то строить какие-то свои соображения и на основе наблюдений за течением истории пытаться как-то что-то сказать о замысле, который, как мы думаем, такой или такой. А сама русская идея – это иррациональный замысел, тайный, мистический, о котором мы только можем как-то тайно догадываться, который можем угадывать, распознавать. Но знать мы его не знаем. Вот так он говорил.

Алексей Рядинский: В таком случае русская идея, она вплетена в некую мировую идею?

Сергей Жигалкин: Безусловно.

Алексей Рядинский: И она не может быть обособлена?

Сергей Жигалкин: Нет. Обособлена – нет, потому что вообще ничего не может быть обособлено. Потому что, как только вы произносите слово «обособленность», я сразу говорю, что вы это говорите с точки зрения позитивизма, потому что именно позитивизм считает, что есть отдельные частности и они не зависят друг от друга.

Каждый элемент – это собрание атомов, просто суперпозиция атомов, которые не зависят от другого такого же элемента, в этом суть вообще материализма, т. е. все вещи независимы друг от друга, тогда как любая традиционная точка зрения говорит о том, что в мире все связано и перевязано, и нельзя из него вообще ничего убрать. Все разрушится. То есть настолько всё связано.

Россию, допустим, мы оградим железным, допустим... Вот всё царство ада, всё на планете. Вот сейчас некоторые говорят: «Давайте железной стеной оградим Россию, пусть там ад за стеной будет, а мы устроим здесь настоящий рай, такой божественной ориентир». Не получится. Нет. Все связано. Не только из-за физических, экономических войн всё связано, а и на тонких планах, и на ментальных пространствах, на всех. Я думаю так.

Но думать об особенностях именно координации можно, можно тогда сказать: вот есть русская идея, есть немецкая идея, есть французская – это ничем не хуже выражения. Они будут разные, вот, например, говорю «немецкая идея». С чем она связана? С католичеством, с лютеранством. Но ведь немцы и до этого были. И так же русские были еще до Владимира. То есть вот была у них тогда уже идея или не была? Или она только привнесена христианством? Это всё вопросы, на которые можно отвечать до бесконечности.

Алексей Рядинский: В таком случае вопрос. Может ли национальная идея, в частности русская, быть абсолютно, полностью, на все сто процентов заменена? То есть до православия было язычество, была некая языческая идея...

Сергей Жигалкин: А она русская была или нет?

Алексей Рядинский: Вот в том-то и дело. Можно ли говорить, что русская идея с приходом православия была замещена, полностью замещена?

Сергей Жигалкин: Поэтому я и говорю об этом. Вот смотрите, русский народ до крещения тоже уже был и жил, правильно? Вот можно сказать, что у него уже была русская идея или нельзя? Если нельзя, то тогда значит, она связана именно и только с православием. Если нет православия, то нет никакой русской идеи.

А если русские содержат это в крови, где-то в большей глубине, в каких-то тайных своих, не знаю, бессознательных сферах, там в архаичной памяти, то тогда православие только помогает русской идее, она проявляется в православии. Я не знаю ответа на этот вопрос.

Алексей Рядинский: Вы знаете загадку о корабле, у которого заменили все элементы? Это античная история.

Сергей Жигалкин: Ну-ка, подробнее. Не все же знают.

Алексей Рядинский: Есть некий корабль, в нем заменили одну доску, вторую, потом через некоторое время заменили все детали. Вопрос в том, останется ли этот корабль тем, чем он был? Я думал провести некие параллели с русской идеей.

Сергей Жигалкин: Ну и что вы думаете по этому поводу? Это тот же корабль или нет?

Алексей Рядинский: Знаете, тут на самом деле легче сказать об идее. Идея точно не будет, потому что в идее, да, в идее должно быть что-то другое.

Сергей Жигалкин: А давайте проведем аналогию на вашем примере не с кораблем, а с человеком. Вот вы человек. Например, с точки зрения позитивизма посмотрим. Вы состоите из атомов. Что нам говорит совре-

менный атеизм? Вы состоите из атомов, и ваша тонкая организованная материя, из которой вы состоите, она порождает мышление, эмоции вас самих. То есть наш мозг – это просто сложная материя, которая порождает мышление. Такая точка зрения науки. Теперь представим себе, что... А вы ощущаете себя как то, что... Вы ощущаете себя как себя. Это результат суперпозиции сложных атомов, из которых состоит ваше тело.

Теперь, допустим, сверхнаучным методом мы соберем точно такие атомы и соберем такого же, как вы, человека. Вот абсолютно такого же, просто до атома. Вот он будет ощущать себя как себя? Скажет «Нет, это я Алексей!»? Или он вообще ничего не скажет? Или вообще пойдет он? Встанет и будет ходить? Или он не встанет и не будет ходить?

Вот я уверен, что, если мы соберем из атомов точно такого же, как вы, это будет труп просто. Он не встанет и не пойдет никуда, потому что у него не будет души. То есть то, что его приводит в движение, весь этот механизм, все сложное тело, это вещи другого рода совсем, чем материя.

То же самое, я думаю, с русской идеей, т. е. вот есть народ как целое. А есть что-то такое... можно сказать, русская душа, так иногда говорят. Иногда говорят «русская душа», иногда говорят «вот мы будем искать Святую Русь».

Была такая Святая Русь, а еще был Третий Рим, да? Это с соловьевской связано идеей, т. е. если святая Русь имеет отношение к такому небесному Иерусалиму и чисто духовной составляющей, то Третий Рим – это как раз к государственной власти, которая есть проявление тоже христианской деятельности.

Но результат все равно у меня такой, что вот как строить... Понимаете, я вообще думаю, что сейчас всё человечество, просто всё, ну по крайней мере западноевропейский мир, находится примерно в одинаковом положении, а именно под властью жесткой атеистической парадигмы. Отсюда все неприятности, все проблемы.

То есть они закрыли для себя входы в божественное измерение, в другие регионы. И я думаю, что в этом смысле Россия находится в лучшем положении чем, скажем, Америка и западные страны. Вот по какой причине – те и другие в одной парадигме находятся. Но эти западные страны гораздо больше преуспели во внедрении этой парадигмы в плоть и кровь своих людей, своих народов. То есть посмотрите, что я имею в виду. Что западный человек ведь он считает, что то, как ему говорят, то, как ему внушили, что это правильно.

Там пропаганда атеистической точки зрения идет очень тонко, ненасильственным путем. Там им объясняют – знаете, мы померили под микроскопом, посмотрели, вывели, вот это бактерии.

Это никакие не ведьмовские штучки. Это просто материя. Про все им объясняют материалистически. Как детям. Они говорят: «Да, мы так и думаем», – и получается, что про эту атеистическую точку зрения они так и думают. То есть западная пропаганда, мягко сползая в сознание и подсознание, внушила им, что они во всем правы, это все правильно. Очень сложно с этим бороться, потому что вот они так думают. Они искренне так думают.

А в России дело обстояло не так, скажем, в коммунистическое время иные точки зрения, иные мнения не внедрялись тонко в психику, разрушая мнение людей, внушая им другое. Инакомыслие просто запрещали. Если ты говоришь что-то другое, то ты поедешь в лагеря или тебя расстреляют. Поэтому люди просто молчали, а внутри-то них все равно все шло, там все кипело, понимаете. Поэтому это не было преобразованием. А это просто было задавлено и ушло.

И поэтому вспомните, что, когда в шестидесятые годы было потепление, возник моментально андеграунд. То есть когда можно было открыть рот, то выяснилось, что вот под плитой коммунизма и там маршировок на Красной площади почти что голых мужчин с ружьями... Видели такие фотографии? Вот просто люди, такие парни загорелые, огромные, метра по два, они в плавках и с винтовками, просто идут вместо танков. Такие вот есть.

Выяснилось, что там люди живут какой-то странной жизнью, она какая-то диковая, разная... Там были великие люди, всякие поэты, кто хочешь. То есть здесь человеческий аспект не задавлен, и он по всей стране не задавлен, т. е. ему только дай свободы, он в может вырваться, ему гораздо проще вырваться, чем западному человеку.

Там надо всё преобразовывать. Помню, когда меня спрашивали там, в Германии, чем все-таки русский, загадочная русская душа, отличается, скажем, от европейца, я им говорил – по моему наблюдению, отличается одним, что европеец аутентичен социальному положению, которое он занимает... Вот европейцы – спросишь, и человек говорит: «Ну вот я профессор, египтолог, я занимаюсь мумиями, я про мумию знаю все». Просто он адекватен.

Русского человека разбуди среди ночи, спроси – ты там академик, что ли, по истории? Он сначала будет мотать головой, он понимает, что он хитрит как-то, что вот эта социальная маска, которую он принял, на него натянута. На самом деле он не это. То есть он не превращается в то, что Хайдеггер называл *das Man*.

То есть он не сливается со своей маской. Все равно у него есть субъективное начало, которое может взорваться, и оно неминуемо взорвет-

ся. Поэтому вот сейчас, как я думаю, хотя России нечего предложить миру, нечего просто.

Потому что, смотрите, сюда никто не едет жить, потому что – а чего здесь хорошего? На Западе сыто. На Западе чистенько. На Западе организовано.

А здесь бардак, кругом черт знает что. Но тем не менее Запад падает в бездну быстрее и упадет быстрее. И перспективы если есть, то только здесь.

И перспектива не такая, что вот мы быстро придумаем что-то такое, или откроем что-то такое, или возродим что-то такое, что воспримут другие народы. Единственное, что можем сделать, это просто вырваться из-под власти колониальной идеологии. Просто стать суверенным государством, стать независимым.

Нам, может быть, не нравится, как мы живем. Мы можем быть нищими, но мы можем быть независимы. Мы не будем рабами, скажем, «Кока-колы» и Америки, не будем рабами.

И в этом мы можем быть примером, по крайней мере на первом этапе.

Если другие увидят что быть суверенным, независимым и жить как ты хочешь, пусть плохо, но самостоятельно, можно. Вот тут Россия может быть примером. Я думаю, это первая ее задача, особенно в этой спецоперации.

А не так, что вот она какую-то такую идею, которую сразу всем...

Алексей Рядинский: Можно это назвать мессианством?

Сергей Жигалкин: Вот смотрите, можно или нет? Это не совсем мессианство, потому что ведь мы не призываем стать такими, как мы, а мы призываем быть свободными, мы призываем не уподобиться нам, что было бы чисто мессианством, а предлагаем сбросить ярмо, которое надето на них колониальным мироустройством с метрополией в городе Нью-Йорке.

Просто сбросить это ярмо и стать самим собой. Пусть они будут какие угодно, но сами собой. Лучше свобода нищего, чем рабство при богатстве, понимаете?

Всегда люди в античном мире ценили свободу выше всего. Главное на первом месте, потому что свободный народ может достичь чего угодно, а народ... там его хорошо кормят, но если он в рабстве, в зависимости, он зависит, он ничего не может сам достичь.

В конце концов главным для него будет следовать тому, от кого он зависит. Да, мы можем быть образцом свободы, если мы сделаем это. Это первый этап.

Сергей Александрович Жигалкин

А второй этап, конечно, превратить наше государственное устройство в нормальное государство. Безусловно. Но это потом. Сейчас сразу не получится. Ну мы за что боремся? За свободу! Такая...

Алексей Рядинский: Ну вот я думаю, что достаточно.

В заключение тогда я скажу, что мы хотели поговорить о русской идее. Может быть, не очень о русской идее получилось, потому что, с моей точки зрения, это то, что надо осмысливать, то, что надо создавать, то, что надо возрождать, то, что надо делать, а не то, что мы можем просто в виде манифеста выразить сейчас и как-то этим вооружиться. С удовольствием я бы вооружился, но, к сожалению, это пока в таком хаосе. Всё. Спасибо.

Доклад 10.

Русская экзистенциальная неустроенность

Владимир Иванович Мартынов

Композитор, мыслитель, писатель, историк, знаток древней и современной музыки. Преподаватель авторского курса музыкальной антропологии в МГУ им. М. В. Ломоносова.

Разговор о российской идентичности мне хотелось бы начать с текста Солженицына, который назывался «Как нам *обустроить* Россию?». Мне бы совершенно не хотелось касаться содержания этого текста, но ведь писатель может найти и подобрать какие-то очень интересные слова, и тут слово «*обустроить*». Как нам *обустроить* Россию?

Россия – это что-то, нуждающееся в *обустройстве*. И очень интересно, что вот этот призыв Солженицына очень хорошо согласуется с началом «Повести временных лет», когда славяне призывают варягов и говорят им: «Земля наша богата и обильна, но порядка в ней нет. Приходите к нам княжить».

Собственно говоря, это тоже призыв к *обустройству*. Если практически между этими двумя призывами проходит больше чем тысяча лет, значит, тысячелетняя история России – это некая история, которая все время нуждается в каком-то *обустройстве*. Вот ее надо обустраивать, обустраивать, а она все так и не обустроена за тысячу лет. И при Солженицыне, и сейчас она не обустроена, и получается так, что *необустроенность*, может быть, это **экзистенциальное онтологическое качество** России. Вот это надо тоже как-то принять.

Тут сразу надо разделить *необустроенность* России на два таких как бы сегмента и на два уровня: есть *необустроенность бытовая* (социально-бытовая), и эта *необустроенность*, конечно, неприятна. Это отсутствие дорог, это слякоть, какая-то неубранность, это отсутствие хороших туалетов, отсутствие хорошей туалетной бумаги и много чего другого. И конечно, такая обустроенность очень нам приятна, когда мы раньше приезжали в Европу, Бельгию, в Голландию, в Германию, нам было приятно, как там все обустроено.